

Предисловие

В последнее время понятия «детство» и «детское» фигурируют в гуманитарных исследованиях во все более широких и разнообразных контекстах. Определение, обозначающее принадлежность к сфере детского, активно используется как средство конструирования новых объектов и новых границ для исследования. Помимо традиционных уже исследований детской литературы, детского фольклора, детского чтения, стратегий воспитания детей, стали легитимными исследования истории и культуры детства, детской повседневности и любых других объектов, которые можно рассматривать в связи с детьми и детством.

Возможно, в некоторых случаях добавление «детского ракурса» — не более чем дань академической моде, которая мало изменяет сложившиеся в рамках той или иной дисциплины подходы и методы. Впрочем, составители данной книги уверены, что оценить потенциал «детского» как самостоятельного поля для исследований можно только сопоставляя работы, привносящие в осмысление детства разные дисциплинарные контексты и методологии.

Настоящий сборник составили работы авторов, представляющих три научных сообщества, каждое со своим дисциплинарным полем, исследовательской традицией и интересами. Первая группа объединена вокруг действующего с 2007 г. семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики», организованного в Российском государственном гуманитарном университете. Основной фокус внимания семинара — исследования детства в широком смысле, охватывающие самые разные механизмы символической репрезентации детского в культуре. Дисциплинарной базой этих работ чаще всего становится культурология, история, психология. Другой исследовательский коллектив сложился вокруг кафедры детской литературы Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств и проводящихся там с 1999 г. конференций «Детские чтения». Интересы коллектива выросли из традиционных филологических и фольклористических исследований детской словесности и в последние годы захватывают более широкие предметные и дисциплинарные сферы, включая антропологию и историю. Третья группа авторов — филологи и культурные антропологи из двух университетов штата Иллинойс (Illinois Wesleyan University и Illinois State University, Bloomington/Normal), для которых проблематика «детского» стала объединяющим фактором, позволившим обсуждать феномены, относящие-

ся к разным культурным традициям и историческим периодам, в едином научном пространстве.

Авторы исследований, вошедших в настоящий сборник, стоят на очень разных теоретических позициях, пользуются разным аналитическим инструментарием. Тем не менее, для всех статей сборника можно выделить несколько дисциплинарных векторов, задающих основные направления исследования: это филологические, исторические и антропологические подходы. Поэтому при разделении материалов сборника мы объединили статьи не по тематике, а по общим подходам к отбору и анализу материала. Внутри каждого раздела мы старались придерживаться хронологического расположения материала. При этом тематический диапазон исследуемых объектов очень широк: от детства у суахили до советской школы, от первого детского отечественного журнала до современных фэнтези, от классических голливудских фильмов до японского аниме.

Значительную часть сборника составили филологические работы, собранные в первых трех разделах. Открывает сборник раздел, озаглавленный «Литература для детей». Его составили академические филологические работы: это и сравнительные исследования (И. Сергиенко, М. Черняк), и реконструкции исторического контекста литературного процесса для детей (В. Головин, Ж. Олич), и поиск теоретических подходов к литературному материалу (К. Коатс, Р. Трайтс), и анализ жанровой поэтики (М. Костюхина, М. Литовская).

Во втором разделе «Тексты для детей: политики отбора» собраны исследования, демонстрирующие, что детская книга всегда находится в сфере контроля взрослых. В особенности этот контроль проявляется в текстах, предназначенных для школьного изучения, и в руководстве внеклассным чтением. Проблема отбора пронизывает всю сферу детского чтения, начиная с выбора авторов, чьи произведения допускаются в круг детских книг (А. Сенькина, Д. Платт), самих текстов для чтения (О. Лучкина) до выбора способов представления конкретной темы в текстах, предназначенных для детей (М. Козлова). Отбор материала, который должен быть освоен и усвоен детьми в процессе обучения, происходит и на языковом уровне (Н. Баранникова, В. Безрогов).

Третий раздел «Детское vs. национальное: проблемы перевода» посвящен обсуждению ситуаций выхода детских текстов за границы национальной культуры. Интересы авторов этого раздела сосредоточены вокруг ответов на вопросы: какие произведения для детей и по какой причине становятся объектами перевода с языка на язык (М. Балина, С. Шеридан), какие социально-исторические причины влияют на формирование культурных стереотипов о чужих национальных культурах (М. Чень), как при создании эстетической продукции для детей взаимо-

действуют жанровые схемы и приемы создания текстов, выработанные разными национальными культурами (С. Маслинская).

В разделе «Образ детства в литературе и кино» объединены работы, объектом которых стало детство, представленное в различных жанрах искусства, не обязательно предназначенных для детей. Это политико-идеологические контексты конструирования образа ребенка (Е. Добренко), символизация детства (С. Майорова-Щеглова), использование жанровых схем детских произведений во взрослых политических целях (С. Фрицше), конструирование семейного контекста детства в кинематографе (Э. Шульц) и визуальные стереотипы в оформлении детских изданий (Д. деГраффенрид).

В последующих разделах объединены преимущественно антропологические и культурологические работы. Эту часть книги открывает раздел «Детство и власть». Для авторов этого раздела интересно положение ребенка как неравноправного члена общества, вовлекаемого в отношения власти и оказывающегося в слабой позиции. Объективация ребенка в социальных отношениях, попытка встраивания его во взрослые дисциплинарные практики, связанные с установлением контроля над ребенком, — вот основная проблематика статей, составивших этот раздел (А. Чашухин, К. Маслинский, М. Тендрякова).

Авторы работ, объединенных в следующем разделе «Дети в пространстве взрослых», описывают способы включения ребенка в систему социальных отношений: семантизацию родов как момента вхождения ребенка в человеческое сообщество (А. Ожиганова), последовательные этапы социализации ребенка (Р. Герхарт) и то, как сами дети осваивают пространство взрослых (М. Чередникова).

Культурологические эссе, составившие последний раздел «Контексты детства», посвящены проблемам статуса ребенка в современном обществе (И. Кондаков, И. Эпштейн), формам коммуникации детей из разных стран (Я. Сусина) и механизмам создания общей массовой культуры детей и взрослых (А. Одышева).

Собранные в настоящем издании исследования были представлены на двух международных конференциях: «Childhood and Globalization», проходившей в сентябре 2010 года в Illinois Wesleyan University (Bloomington/Normal, Illinois) и «Трансформирующееся детство: дискурсы и практики» (сентябрь 2011) в РГУ (Москва) и СПбГУКИ (Петербург). Мы выражаем искреннюю признательность фонду Исаака Фанка в Университете Иллинойс Везлиен, а также кафедре иностранных языков и центру международных программ вышеуказанного университета, кафедре английского языка Иллинойского государственного университета (г. Нормал), кафедрам английской филологии, истории и культуры, Российско-американскому учебно-научному центру и

Управлению по координации вузовских проектов и программ Российского государственного гуманитарного университета, Центру детской литературы Иллинойского университета в Урбана-Шампейн, кафедре детской литературы Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, а также Российскому гуманитарному научному фонду за поддержку и помощь в проведении научных заседаний и в издании данной книги.

С. Г. Маслинская, К. А. Маслинский

Литература для детей

В. В. Головин

Первый опыт издания журнала для юношества в России

Первым русским детским журналом принято считать выходящий в 1785—1789 гг. журнал «Детское чтение для сердца и разума» Н. И. Новикова.

Аргументов для такой точки зрения множество: и содержание журнала, и термин «детское» в названии, и объявленный факт, что «в нашем отечестве есть то, что детям читать нечего»¹ в «Московских ведомостях», где объявлялось намерение Н. И. Новикова издавать журнал для детей. Журнал печатался как бесплатное приложение к «Московским ведомостям». Он был успешен, трижды переиздавался, в течение полувека получал положительную критику и, можно сказать, заложил традицию детских журналов. Однако действительно ли он бы *первым* детским журналом? В то время в сфере детской литературы пробовали перо многие авторы и, возможно, идея детского журнала появилась у кого-нибудь несколько ранее?

Главный признак детской литературы XVIII в. — адресация определенной целевой аудитории — детям. Новиков четко заявил это в анонсе: журнал предназначен для детей, которые читают по-русски. Однако собственно *детской* литературы в современном понимании этого термина в новиковском журнале было не много. Были нравоучительные рассказы с героем-ребенком и резонером Добросердом. Были десятки научно-популярных статей о кометах, приливах и отливах, слонах и львах. Были абсолютно недетские вещи, которые, по мнению издателей, примерами героев должны были воспитывать у детей «благородные» качества. Причем не только у детей — несмотря на название, журнал Новикова явно был адресован более широкой аудитории. Редакционная статья, к примеру, называлась «Благородному российскому юношеству», в ней напрямую говорилось, что журнал предназначается не только детям, но и юношеству. Главное же — журнал включал не детские произведения по содержанию. Такие, как «Весенняя песнь меланхолика» и «Анакреонтические стихи» Н. М. Карамзина, его же повесть «Евгений и Юлия», антиптираническая драма «Дамон и Пифиас», переводы произведений Вольтера, Лессинга, Геснера и других. Единственными

¹ Московские ведомости. 1784. № 92.

по-настоящему «детскими» произведениями в журнале были вольно переведенные тексты зарубежных авторов — Арнольда Беркена и мадам Стефани Жанлис, имена которых к тому времени в Европе уже прочно ассоциировались с литературой для детей.

Журнал для детей Н. И. Новикова был не только первым в России, но и одним из первых в Европе. Именно в это время, в 60—90 годах XVIII в., в европейской литературе появились писатели, которых станут называть детскими. В немецкой литературе — это Фридрих Рохов и Иоахим Кампе; во французской — мадам Жанлис, Лепренс де Бомон, Арнольд Беркенъ; в английской — Джон Ньюбери и Мария Эджворт². Разумеется, перечислены не все имена, но книги данных авторов моментально, в течение одного-двух лет, переводились на европейские языки, включая русский, и сюжеты их произведений для детей становились «бродячими». Одновременно стали появляться и первые европейские журналы для детей. Возникло «европейское поле» детской литературы, и в течение полувека русская детская литература, по преимуществу, ориентировалась на произведения данных авторов. В России также издавалось множество книг для детей. А. С. Шишков в 70-х гг. XVIII в. написал блестящие жанровые стихотворения для детей, лишённые какого-либо резонанса. Переводилась масса европейских книг, расширилось жанровое поле русской детской литературы.

Идея детского журнала могла вполне появиться в России раньше новиковского издания.

Среди множества журнальных изданий мы выбрали журнал, вышедший в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе и предназначенный для учеников именно этого учебного заведения. Это журнал «Полезное с приятным», который в 1769 г. издавали преподаватели корпуса И. А. Тейльс и И. Ф. Румянцев. Сначала журнал был полумесячным, потом еженедельным, но не имел особого успеха. Тираж с классических тогда 600 экземпляров упал до 334. После 12-го выпуска, по смерти И. Ф. Румянцева, издание прекратило существование. Журнал «Полезное с приятным» не является «terra incognita». Его изучали А. Н. Афанасьев, П. Н. Берков, Ю. Ю. Битовт, Н. Н. Булич, Л. Н. Майков, В. П. Семенников, Д. Д. Шамрай и другие, но никто из них не относил его к детской или юношеской литературе.

Издание предназначалось кадетам и, таким образом, — детям и юношеству. С 1766 в корпусе обучались с 5—6 до 19—20 лет (до 1766 набирались дети с 13 лет), причем родители не имели права требовать детей из корпуса обратно. Значит, «детскости издания» соответствует его чи-

² Все перечисленные писатели издаются в Великобритании, Германии и Франции и в XXI в.

тательское назначение — главный тогда критерий детской и юношеской литературы.

Кроме читательского адреса — ученикам корпуса, есть еще один знаковый момент, и на наш взгляд главный, адресующий издание к детской и юношеской аудитории. На первой странице первого выпуска журнала «Полезное с приятным» сказано следующее: «Что касается до предлагаемого при сем Полумесячного Упражнения, то главные материи в оное взяты из книги, называемой „Юношеская библиотека“, сочиненным одним славным аглинским писателем. . .»³. На какую английскую книгу с юношеским читательским адресом ориентируется издание? Какая английская книга имела такое название или с какой английской юношеской книгой (журналом) сочетается содержание «Полезного с приятным»? Такими книгами, гипотетически, могут быть «Божественные и моральные песни для детей» 1720 г. или «Катехизис для детей и юношества» 1726 г. Исаака Уоттса. Но ни одна из вышеперечисленных книг, если рассуждать беспристрастно, никоим образом не коррелируются с содержанием русского журнала. Третья возможная английская книга — «Маленькая карманная книжица» Джона Ньюбери (1744 г.), где в содержании всячески проповедуется благонравное поведение детей. Признаемся, что автору данных строк очень хотелось, чтобы известная английская книга для детей, которую часто называют первой, легла в основу русского журнала для кадетов. Тогда и вопрос первенства Н. И. Новикова становился бы проблематичным. Но ни по названию, ни по содержанию, книга Джона Ньюбери никак не могла быть источником для «Полезного с приятным».

Снимем аргумент английского авторства искомой «Юношеской библиотеки». Пускай это будет вымыслом или интригой И. А. Тейльса и И. Ф. Румянцева. Но и немецкие книги: Рохова «Друг детей» (1776), журнал Вейссе с таким же названием (1778—1782), и впоследствии популярнейшая в России книга И. Кампе «Новая детская библиотека» (1779—84), которую с 1783 г. переводил А. С. Шишков, не могут являться источником журнала по хронологической причине — они вышли после 1769 г.

Таким образом, по разным причинам немецкие и английские книги исключаются. Подходит только одна французская книга: «Детское училище» Лепренс де Бомон. Перечислим наши аргументы в пользу данной книги как источника «Полезного с приятным». Во-первых, все 4 тома этой книги вышли в 1756 г. в Лондоне. Это косвенное доказательство

³ В журнале в ряде случаев есть отсылки к источникам переводов: к английскому «Спектатору» («Аглинский смотритель»), к французскому «Зрителю» («Французский смотритель»), из которого взят отрывок из статьи Пьера Мариво о воспитании. Но ни в одном случае это не никак не соотносится с искомой английской «Юношеской библиотекой»

«английскости» данной книги, на которое намекают в «предуведомлении» к журналу «Полезное с приятным». Во-вторых, перевод названия книги Лепренс де Бомон «Magasin des enfans. . .» как «Юношеская библиотека», на взгляд наших консультантов точнее, чем «Юношеское училище», под которым вышел первый русский перевод⁴. «Magasin des enfans» — собрание для детей, то есть библиотека⁵. Издатель «Полезного с приятным» И. А. Тейльс был известным переводчиком с французского — он первый перевел на русский язык «Дон Кихота». Источником для русского перевода был французский перевод Сервантеса. В-третьих, издание книги де Бомон стало возможно только благодаря русскому двору и русским подписчикам, в том числе преподавателям корпуса, что документально зафиксировано. Книга посвящалась малолетнему будущему императору Павлу. Сама г-жа де Бомон писала: «Если бы русский двор меня не поддержал, это произведение, готовое к печати уже более года назад, возможно никогда и не было бы напечатано. . .»⁶. Добавим, что И. А. Тейльс был близок ко двору, впоследствии губернаторствовал. Екатерина II доверила ему воспитание графа Бобринского. В-четвертых, первое издание русского перевода «Magasin des enfans» вышло в 1761—1767 гг. именно в типографии Сухопутного кадетского корпуса под названием «Детское училище, или Нравоучительные разговоры между разумною учительницею и знатными разных лет ученицами ...» и огромным тиражом: каждая часть издавалась по полторы — две тысячи экземпляров. Через два года в корпусе начнут издавать журнал для юношества «Полезное с приятным». В-пятых, «Юношеское училище» Лепренс де Бомон было не только образцом книги для детей. Оно было своеобразной матрицей детской литературы. Вложенные в сюжетное повествование примеры общежития, научных толкований и нравочений представляли идеальный образец литературного наставления детей. Эта книга по составу статей, нравочений и по содержанию вполне могла быть источником для русского журнала «Полезного с приятным» 1769 г.

Все эти пять причин, но только в совокупности, свидетельствуют в пользу связи «Magasin des enfans» и русского журнала для кадетов Сухопутного шляхетского корпуса.

⁴ Автор выражает искреннюю благодарность поэту и переводчику М. Д. Яснову и его коллегам за оказанные консультации.

⁵ Leprince de Beaumont, Maris. Magasin des enfans, ou Dialogues entre une sage gouvernante et plusieurs de ses eleves de la premiere distinction dans lesquels on fait penser, parler, agir les jeunes gens ... on s'applique autant a leur former le cceur, qu'a leur eclaire Fesprit ... Londres, 1756, se vende chez J. Haberkorn et chez les Libraires de cette Ville, t. 1—4.

⁶ Копанев Н. А. Петербургские подписчики на первое лондонское издание 'Magasin des enfans' М. Лепренс де Бомон // Solanus. Volume 19(2005).

Таким образом, авторы журнала «Полезное с приятным» сказали совершенно четко — они берут материал и ориентируются на одну из признанных в Европе книг для детей. Добавим к этому, что одной из первых значительных детских книг, вышедших в России, была книга А. Т. Болотова «Детская философия (1776)», которая также написана в подражание книги «Юношеское училище» Лепренс де Бомон⁷.

Продолжим аргументы в сторону юношеского читательского адреса журнала «Полезное с приятным». Рассматривая его содержание, обратим внимание на нравоучительные статьи со следующими названиями: «О воспитании», «О науках», «Об обхождении и избрании друзей», «Об одежде», «О скупости», «О праздности», «О говорливости», «Об успехах в науках», «О самолюбии» и десятки подобных. Несмотря на то, что это отдельные статьи, они в принципе составляют «библиотеку» добродетельности и порочности, осуществляемой в сюжетной детской литературе резонером, благонаправленным или порочным ребенком.

Еще одним подтверждением читательского назначения «Полезного с приятным» служит изрядное наличие в журнале произведений басенного жанра. Они во множестве публикуются в каждом выпуске. Басня практически идеально соответствовала нравоучительной философии воспитания детей, и впоследствии она стала популярнейшим жанром в хрестоматиях и детских книгах для чтения.

В журнале «Полезное с приятным» весьма популярным было нравоучение о полезности учения. Такой опыт, как письмо Фомы Стародурова, пожалевшего деньги на приглашение учителей и прожившего в тяжбе бесцельную жизнь, с современной точки зрения, вполне можно отнести к нравоучению для детей. Но в то же время, порочный взрослый (Фома Стародуров) — очень редкий тип в русской детской литературе конца XVIII в., в отличие от порочного ребенка. С другой стороны, такой тип вполне соответствует более ранней традиции, идущей от «Юности честного зеркала», где нравоучение строилось, в том числе, и по принципу отрицательного дурного примера взрослого. Отрицательные «взрослые» примеры есть и в книге Лепренс де Бомон.

Среди аргументов в пользу искомого читательского адреса «Полезного с приятным» может быть перечислено и прямое указание в одиннадцатом полумесяце журнала на юношеский адрес. Автор пишет об аллегории Сократа: «Я намерен в пользу юношества повторить аллегорию. . . ».

⁷ А. Т. Болотов. Детская философия, или нравоучительные разговоры между одною госпожою и ее детьми, сочиненные для поспешествования истинной пользе молодых людей. М., 1776.

Античная тематика в десятом полумесяце журнала «Полезное с приятным» вылилась в нравоучительный антитиранический рассказ «Дионисий, Пифий и Дамон», переложение известного греческого мифа, где два верных друга на месте казни оспаривали друг у друга право на смерть. Пораженный благородством тиран простил осужденного и пожелал быть принятым третьим в общество двух друзей. Сюжет вошел в литературу в 1571 г. с пьесы Ричарда Эдвардса «The excellent Comedie of two the moste faithfullst Freendes, Damon and Pithias» («Превосходная комедия о двух наиболее преданных друзьях Дамоне и Пифиасе»). Аллюзии на этот сюжет присутствуют и в шекспировском «Гамлете».

Через пятнадцать лет этот же сюжет использует в своем журнале «Детское чтение для сердца и разума» Н. И. Новиков. Он заимствует его из известнейшей к тому времени детской книги А. Беркена «Друг детей» (1782—1783)⁸. Таким образом, и Тейльс, и Новиков ориентировались на один нравоучительный образец, только Тейльс предложил его русскому юношеству сам, а Новиков через французского посредника. Но понимание, что читать детям, совпадало.

Следующие аргументы связаны с педагогической репутацией И. А. Тейльса. В корпусе он преподавал немецкий, затем стал секретарем Совета означенного учебного заведения⁹. В своих напечатанных одах (Екатерине II и гр. Панину) Тейльс акцентирует внимание на их педагогических заслугах. Более того — он автор пьесы для детей «Награждение добродетели», напечатанной в апрельской книжке новиковского журнала «Утренний свет» за 1780 г.¹⁰ Как мы уже говорили, Екатерина II вверила И. Тейльсу воспитание графа Бобринского, а в этом случае она должна была выбирать педагогом лучшего из лучших¹¹. Наконец, именно движимый целями привития российскому дворянскому юношеству идей благородства и чести, верности и дружбы, рыцарского служения отечеству И. А. Тейльс первый перевел на русский язык «Дон Кихота» Сервантеса. Общеизвестно, что «Дон Кихот», на протяжении длительного времени, в силу своей морально-этической природы, входил как во «взрослое», так и в детское чтение.

Н. И. Новиков был близко знаком с И. А. Тейльсом. В своем «Опыте исторического словаря о российских писателях» он отмечает Тейльса

⁸ Е. П. Привалова Социальная проблема на страницах журнала Новикова «Детское чтение для сердца и разума» // XVIII в. Вып. 11. С. 110.

⁹ Впоследствии И. А. Тейльс губернаторствовал в Твери и умер в 1815 г. в Белостоке будучи сенатором, тайным советником и управителем Белостокской и Тарнопольской областей.

¹⁰ Е. П. Привалова. А. Т. Болотов и театр для детей // XVIII в. Вып. 3. С. 258.

¹¹ Алексей Григорьевич Бобринский (1762—1813) — граф, предполагаемый внебрачный сын императрицы Екатерины II и Григория Григорьевича Орлова, родоначальник графского рода Бобринских.

как поэта и участника сочинения проекта Нового уложения. Новиков рекомендовал его в петербургский масонский капитул — «Он человек, заслуживающий наисправедливейшим образом эту честь»¹². М. Н. Муравьев в письме М. М. Хераскову прямо говорит о дружеских отношениях Тейльса и Новикова — «Ему Тейльс друг»¹³

Заключение нашей статьи будет следующим. Первый русский детский журнал — это «Детское чтение для сердца и разума» Н. И. Новикова. Но в тоже время следует признать, что опыт или попытка издания журнала для юношества, пускай и не очень удачная в смысле содержания, продолжительности и тиража была осуществлена другом Н. И. Новикова, первым переводчиком на русский язык «Дон Кихота», автором пьесы для детей «Награжденная добродетель», признанным педагогом И. А. Тейльсом и его коллегой И. Ф. Румянцевым на пятнадцать лет ранее. Эта попытка воплотилась в 12 выпусках журнала «Полезное с приятным», выходившего в Сухопутном шляхетском кадетском корпусе в 1769 г.

¹² Ежевский С. В. Московские масоны // Русский вестник. 1865 Т. 65. С. 31.

¹³ См.: http://www.rvb.ru/18vek/letters_rus_writers/01text/05muravjev/182.htm.

М. С. Костюхина

Шитье и рукоделие в нравоучительных нарративах для девиц

Предметы и манипуляции, связанные с шитьем и рукоделием, имеют глубокую культурно-мифологическую семантику. Этнографы и фольклористы изучают ее на материале сказочно-мифологических текстов, обрядовых и житейских практик. Специалисты по гендерным исследованиям рассматривают «рукодельную науку» в контексте истории женской культуры и женского воспитания. Историк детской книги интересно другое: какова семантика образов шитья и рукоделия в нравоучительной книжной традиции, предназначенной для чтения девиц.

Основной корпус нравоучительных текстов составил из произведений французских моралистов и немецких филантропов XVIII в., переведенных русскими просвещенными авторами в первые десятилетия XIX в. Трактовка швейной тематики в русских изданиях лишь отчасти отражала отечественные духовно-воспитательные и житейские практики: «рукоделием» в нравоучительных нарративах занимались, в основном, по европейским воспитательным методикам. Однако рационального воспроизведения иностранного опыта в русских детских книгах не произошло. Нравоучительные нарративы, в силу их повышенной мифологизации, богаты сказочными коннотациями и «суеверными» толкованиями.

В природе нравоучительного нарратива — давать образцы для подражания. Поскольку издания для девиц относились к литературе сословного характера, то и образцы в них были ориентированы на практики дворянского воспитания (в том числе, и его аристократического слоя). Нормативный портрет образцовой дворянки был представлен в воспитательных трактатах XVIII в. Согласно им, каждая женщина должна быть «совершенной швеей, ткачихой, чулочницей и кухаркой» (И. Кампе). Русские просветители вторили немецкому филантропу: «женщина, которая не радит об упражнениях, приличных ее полу и состоянию, есть самая презрительная и несчастная тварь»¹. Чтобы не прослыть «тварью», девочка с раннего детства должна упражняться в хозяйстве. Общевропейским образцом такой девочки была девица по имени Каролинушка из одноименной книги И. Кампе.

Каролина была доброе и послушное дитя, которое с великим рачением старалось доставлять удовольствие своей маменьке прилежанием и покорностью. Под руководством доброй своей матери привыкла она заблаговременно

¹ Друг детей на 1809 г., издаваемый Николаем Ильиным. М., 1809. № 10. С. 217.

к полезной деятельности и чрез то научилась женским рукоделиям, чтобы помогать маменьке в хозяйстве, ибо она часто слыхала, что женский пол определен управлять хозяйством и домоводством, к чему должно привыкать с малолетства².

Несмотря на императивный тон, характерный для назидательных нарративов, книжный идеал маленькой хозяйки, ловко управляющейся на кухне, в прачечной и рукодельной, был очень привлекателен. Многие дворянские девочки воображали себя в роли Каролинушки, мечтая о карьере превосходной хозяйки. Так Елизавета Сперанская, девица воспитанная и хорошо начитанная, в своих письмах к отцу признавалась, что мечтает быть такой хозяйкой³.

Представление о том, что из девочки нужно воспитывать хорошую хозяйку, было общим для всех сословий. Но, в отличие от народного, очень практического представления о женщине, нравоучительные издания для дворянских девиц создавали идеальные образы маленьких хозяек: хозяйственные навыки они сочетают с познаниями в языках, искусствах, светском этикете и участием в благотворительной деятельности. Юная Розали, героиня нравоучительной повести Жанлис,

рисует, поет, играет на арфе, на клавикордах и на гитаре. Она много читает, выписывает из книг, выучена всему, что только можно знать тринадцатилетней девице. Она знает по-французски, по-английски, по-испански, по-итальянски, весьма хорошо вышивает и никто не может лучше ее шить. Она сама шьет себе платье, правит домом, имеет в руках все счета, и у ней хранятся ключи от всех поставов. Она одна приготовляет в деревне покои для путешествующих, во время жатвы дает работникам есть, присутствует при всех сельских работах и вместо награждения за все сии попечения есть довольно того, что она раздаёт милостыню, посещает бедных и помогает оным⁴.

² Каролинушка, или добрая дочь. Повесть, служащая наставлением девицам в различных предметах хозяйства и домоводства. Пер. с нем. в СПб. в тип. департамента Внешней торговли, 1819. С. 4. Книга И. Кампе «Каролинушка, или добрая дочь» имела несколько русских изданий (1819, 1826, 1833) под этим и другими названиями. Правила из этой книги для девиц принаравливались к изменениям в общественных нравах. Уже во втором русском издании заметно смягчение нравов. «Аннушка была добрая и послушная дочь, старавшаяся доставлять удовольствие своим родителям. Под надзором своей матери научилась она всему, что должно знать доброй девице, благоразумной хозяйке, и привыкла ко всему с малолетия» (Гостинец прекрасным малюткам или наставление молодым девицам в разных рукоделиях и домашнем хозяйстве. М., в тип. Семена Селиванского, 1821. С. 3).

³ «ты хочешь быть хозяйкою, эта мысль всегда меня утешала» (Письма Сперанского из Сибири к его дочери Елизавете Михайловне (в замужестве Фроловой-Багреевой). М., 1869, С. 67).

⁴ Маленький ла Брюлер или картина юношеских нравов сего времени. Соч. г-жи Жанлис. В СПб., при имп. АН, 1808. пер с фр. юнкера Рудамаева. С. 82.

Неоспоримым доказательством хозяйственного настроения маленькой Розали служат карманы, пришитые на ее платьях. Таких карманов нет у легкомысленных девиц, стремящихся одеваться по моде.⁵ Кокеткам и тщеохотницам некуда положить связки ключей, «ибо уже не может быть хорошею хозяйкою та, которая теряет свой платок или связку ключей, когда надобно что-нибудь вынуть»⁶. Зато у юной Розали в карманах не только связки ключей, но и нужные книжки (для чтения, записи непредвиденных расходов и т. д.). Большая же счетная книга хранится у девочки в ее кабинете. Такова Розали в малолетнем возрасте, в двадцать же лет она будет «совершеннейшею женщиною».⁷

«Совершеннейшая женщина» из назидательного нарратива напоминает чудесных жен из народной сказки: волшебниц и мастериц, которые все умеют и всем повелевают. Во власти прекрасной девицы волшебные предметы: ключи, открывающие «все поставы», собрание премудрых хозяйственных книг и бездонный карман на платье (вроде чудо-сумы).

Среди девичьих хозяйственных умений первейшее место занимает рукоделие, но не всякое, а только связанное с шитьем или вязанием. Девице из нравоучительного нарратива не грозит судьба сказочной царевны, уколотившей палец веретеном, или работницы, уронившей веретено в сказочный колодец: прядение и ткачество в книгах для детского чтения отсутствует полностью. Даже в сказке В. Одоевского «Мороз Иванович», представляющей собой пересказ известного фольклорного сюжета «Госпожа Метелица», героиня занимается «нормативным» рукоделием: она вяжет чулки и подрубает платки (фольклорная мастерица кровит пальцы веретеном). Прядение и ткачество с их фольклорно-мифологической семантикой (ткань-рождение и нить-судьба) противопоставлены героиням назидательных историй: «нити жизни» держат в своих руках не сами рукодельницы, а их родители и наставники.

Выбор видов рукоделия в назидательных нарративах формировался нормативами сословного воспитания. Занятия рукоделием входили в программу домашнего и казенного обучения маленьких дворянок,

⁵ Мелания в меланхолии. «Ее мать хочет, чтобы ее дочь носила карманы. Мелания не будет одета по моде! Платье ее не будет так хорошо сидеть на оных; она будет иметь вид менее греческий! Какой важный предмет печали! Утешьтесь, Мелания, ибо с карманами или без карманов, вы никогда не будете походить на медийскую Венеру» (Маленький ла Брюлер... С. 7).

⁶ Там же. С. 78.

⁷ Романтически настроенная Жанлис была склонна к многословной описательности. Ее предшественник Фенелон, автор трактата о воспитании девиц, выражался определеннее: «Что касается до девиц, говорят: не надобно им быть учеными, любопытство делает их тщеславными и щеголихами; довольно им знать в свое время домостроительство и повиноваться своим мужьям без всякого умствования» (О воспитании девиц, соч. господина Фенелона, с фран. перевел И. Туманский. СПб., 1763. С. 2.).

Рис. 1. Мать проверяет, как дочь выполнила свою рукодельную работу (платье для куклы). (Вечера на Карповке. Чтение для маленьких детей. СПб, изд. М.О.Вольфа, 1861)

в том числе из аристократических семей. Рукоделие позволяло проявиться художественным талантам дворянских женщин и было для них предметом социального одобрения и престижа. В мемуарной литературе сохранились описания женских рукоделий, некоторые из которых были настоящими произведениями искусства. Выставки рукодельных работ устраивались в учебных заведениях для девочек-дворянок, а высокие покровительницы женских институтов являлись экзаменовать девиц с рукоделием в руках.⁸

Значимость женского рукоделия определялась не только утилитарными потребностями, но и нравственными идеалами. «Шитье стало внешним выражением тех нравственных качеств, которые определили женственность и привязанность к семейному очагу и являли собой вещественное доказательство присущих женщине достоинств»⁹. Согласно

⁸ Одна из институток (Н.Ковалевская) вспоминала, как императрица Александра Федоровна присутствовала на выпускном экзамене, проходившем в Аничковом дворце, с вязанием в руках.

⁹ Руан К. Гендерные аспекты шитья в России // Теория моды. 2009. № 14. С. 41.

этим идеалам, хорошо воспитанная девица всегда должна быть занята: это позволит ей избежать многих женских пороков (от болтливости до развращенности). Рукоделие было духовно-медитативной практикой, приучающей к раздумьям. Особенно подходило для женских раздумий вязание, требующее счета и молчаливой сосредоточенности. О том, что «умение молчать — очень хорошее качество для девочки»¹⁰, писалось во многих назидательных историях. В них рассказывались ужасные истории о девочках, наказанных за свою болтливость (их никто не брал замуж). Зато молчаливые рукодельницы, если судить по назидательным историям, всегда у мужчин нарасхват.

Идеал девицы, проводящей время за шитьем и раздумьем, соответствовал как русским, так и европейским образцам девичьего воспитания. Однако русские житейские практики значительно расходились с европейскими: девочек из состоятельных семей с малолетства общивали крепостные швеи, так что нужды садиться за шитье у них не было.¹¹ Девица, которую усадили за обрубания краев большого кисейного платка, резонно заявляет матери: «Что же касается до обрубливания и шитья, то сколько я этому ни училась, право, не вижу от этого никакой пользы; а между тем вы сделаете большое благодеяние, если такую работу будете отдавать бедным девушкам, которые только тем и снискивают себе пропитание»¹². Рассуждения, подобные этим, могли появиться в детских книгах только на закате швейных нравоучительных историй: предшественницы маленькой резонерки не посмели бы сослаться на свой житейский опыт, а уж тем более давать матери советы.

Задача разумной матери — убедить свою дочь заняться рукоделием. В назидательных нарративах используется для этого один и тот же набор аргументов. Во-первых, речь идет о возможной смене материального положения семьи. Угрозу, как правило, представляли финансовые проблемы отца (мужа или брата), от которых зависело благосостояние женщины. В этом случае женское рукоделие становится источником экономики или дохода (в том числе, для девушек из состоятельных семей). О подобных «превратностях судьбы» напоминали детям авторы назидательной литературы, призывая своих читательниц взяться за шитье с малых лет. Другой аргумент — необходимость грамотно руководить

¹⁰ Беляева А. Маша и Коля, книжечка для маленьких детей, начинающих понимать, что делается вокруг них, составленная одною из их наставниц. СПб., изд. М. О. Вольфа, 1857. С. 34.

¹¹ Это понимали как сами девицы, так и их наставницы, формально относившиеся к занятиям по рукоделию. Смоленка Е. Водовозова вспоминала, что многие девицы заканчивали курс, выучившись одному или двум швам (при том, что на эти занятия отводилась значительная часть учебного времени).

¹² Мать, дающая полезный урок дочери. Изд. третье. СПб., 1849. С. 6.

слугами, которым поручены хозяйственные и рукодельные работы: «перемены счастья, властных лишить женщину всех средств к существованию, кроме работы рук своих, которые однако ж часто случаются. Но быв в прекраснейшем состоянии, быв окружена множеством слуг, разве она не должна иметь понятия о работах»¹³. В статье «Приятность трудолюбия» госпожа Занятина объясняет дочери Агашиньке, что труды для богатых женщин необходимы также, как и для бедных: нужно уметь назначать слуг, защищать себя от их обманов, спасти себя от разорения и уметь тратить доход на благотворительность и образование детей. Немаловажный аргумент — возможность с пользой проводить досуг. Владение рукодельными работами спасает женщину от несносной скуки, дает ей развлечение в любой непредвиденной ситуации. В том же номере «Друга детей» помещена история про госпожу Делину (фамилия указывает на трудовой настрой дамы), которая взяла в дорогу свой рабочий мешочек с рукоделием. Это помогло даме скоротать время на долгих стоянках, в то время как бедная девочка маялась от скуки, не зная, чем себя занять.

Матери не только убеждают дочерей в пользе рукоделия, но и дают им первые уроки шитья. Эти уроки проходят в обстановке домашнего минимализма: все предметы, могущие отвлечь девочку, исключены из быта и описания. Остается только окно с соблазнительными птичками-цветочками на воле, но вход в законный мир до окончания рукодельных работ закрыт. В замкнутом пространстве комнаты девочка осваивает уроки рукоделия.

Аннушка получает иногда от своей матушки лоскутки бумажных и шелковых материй, кружев, лент и проч. Притом маменька учит ее, как из того кроить и шить платья, рубашки, шляпки и чепцы для кукол; но как вязанье есть главнейшее женское рукоделье, к которому девушка с молоду должна приучаться, то Аннушка выучилась у маменьки своей вязать чулки, кошельки, колпачки и тому подобное. Аннушка, как добрая и послушная девочка, всегда старалась с большим вниманием учиться, и потому знала уже довольно как сие, так и другие женские рукоделья¹⁴.

Успехи Аннушки в шитье свидетельствуют о том, что эта девочка — образец послушной и покорной дочери. Под руководством матери девочка проходит «швейный обряд инициации», готовясь к роли взрослой женщины. Связь уроков шитья и материнских наставлений является устойчивой в детских книгах (никаких суррогатных матерей в виде тетушек-бабушек назидательный нарратив, в отличие от мемуарного, не допускает). В реальной жизни уроками шитья с девочками занимались чаще всего гувернантки (обучение рукоделию входило в их прямые

¹³ Друг детей на 1809 г... № 10. С. 219.

¹⁴ Гостинец прекрасным малюткам... С. 5.

Рис. 2. Образец рабочей сумочки для швейных занятий. (Рукоделья-забавы. Альбом всевозможных приятных и увеселительных дамских работ, служащих к украшению письменного и туалетного столика, будуара и гостиной. Составлен девицей Эсбе. СПб., в тип. Штаба военно-учебных заведений, 1859)

обязанности). Такие занятия способствовали сближению воспитанниц с наставницами. По воспоминаниям А. Керн, именно гувернантка-англичанка обучила девочку шитью. «Мы любили наши уроки и всякие занятия вроде вязанья и шитья подле m-lle Бенуа, потому что любили, уважали ее и благоговели перед ее властью над нами, исключавшую всякую другую власть. Нам никто не смел сказать ни слова»¹⁵. В назидательной литературе такими правами на девочку обладает любящая мать: она не только учит шитью, но и дарит дочери предметы, с помощью которых та в совершенстве овладевает рукодельными навыками.

Эти предметы помещаются в особые рукодельные ящички со швейными принадлежностями. Их подробное описание — неперменная часть «швейных» историй. В содержимое рабочего ящичка входят отрезки тканей, кружева и тесьмы, нитки, иголки и подушечки для них, наперсток, пяльцы, разные виды ножниц. Подобные ящички изготовлялись для покупателей разного достатка и были как сравнительно дешевыми, так и баснословно дорогими. В книгах для девиц описываются как раз самые изысканные и дорогостоящие изделия:

Ящик был сделан из черепахи с золотом; внутри был обклеен голубым бархатом; в нем находилось все нужное для работы, и все было из золота; там был наперсток, ножницы, провертка, катушки, ножик, перочинный ножичек, небольшие щипчики и продевальная иголка. В другом отделении находилась: игольница, мешочек с позолоченными булавками, запас шелку

¹⁵ Из воспоминаний о моем детстве // Керн А. П. О Пушкине и о себе. Воспоминания, дневники, переписка. Тула, 1993, с. 120.

различных цветов, нитки разной толщины, шнуры, ленты и тому подобное¹⁶.

Не уступает черепаховой шкатулке и атласный кисет, вышитый золотом. В таком кисете хранится «коробочка с иглами и шелком, серебряный наперсток, пара ножниц из чистой стали и сверх того косынка, вышитая по прекрасному рисунку»¹⁷. Швейные ящички производят на девочек магическое действие: словно зачарованные, они перебирают восхитительные предметы из мира настоящих женщин.

Наперсток пришелся как раз по пальцу. Попробовала она вырезать несколько фестонов новыми ножницами, оказалось, что они режут отменно. А бисеру сколько, и каких все ярких, прекрасных цветов! А вот под легкими и красивыми узорами, которые так и манили начать подставочку или подушечку для булавок, Аня нашла несколько мотков берлинской шерсти. И как хорошо, казалось, были подобраны тени, так бы и вышила розен или незабудочку! Ящичек с пуговками был не менее заманчив <...> Открыла ножичек, — оказалось два лезвия: одно пошире, для того, чтобы пороть что-нибудь, другое для карандаша <...> Вот несколько начатых мелких вязаний: показано, как вязать прошивки и кружева¹⁸.

Чудесный сундучок обладает волшебными свойствами: достаточно только прикоснуться к нему, чтобы детские пальчики легко одели наперсток и заработали иглой или ножницами. Реалии, связанные с умением пользоваться сложными и дорогими швейными предметами, остаются за границами назидательных наративов. Зато в мемуарных текстах мучения с рукодельными ящичками описаны подробно: даже сложить многочисленные предметы на отведенное для них место было очень непростым делом для маленького ребенка.¹⁹

¹⁶ Приключения Сонички, соч. графини де Сегюр, уржд. Ростопчиной, пер. Н.Ушакова. СПб, 1864. С. 140.

Ради превосходного швейного ящичка четырехлетняя Соня идет на страшное преступление: она тайком вытаскивает из него содержимое и прячет в своем комодике. Расплата настигает виновницу в момент прихода гостей: мать прикрепляет ей на спину плакат с надписью «воровка» (общепринятый в то время воспитательный прием, приводивший иногда к трагическим исходам).

¹⁷ Беркенъ А. Лидия де Жерсин, или история осмилетней агличанки, служащая к наставлению и увеселению малолетних девиц. Вольный перевод с английского на французской, а с французского на российской. СПб., В тип. И. Крылова со товарищи, 1784. С. 45.

¹⁸ Деревня, рассказы для детей Софьи Макаровой. СПб, изд. Я. С. Исакова, 1871. С. 21.

Рабочий ящик из орехового дерева, столь сладостно описанный, стал предметом благотворительной жертвы: девочка отказалась от него, дабы отдать деньги бедному семейству.

¹⁹ Одна из мемуаристок описала «радости», связанные с полученным в подарок рабочим ящичком. На внутренней стороне крышки этого ящичка было зеркало. Перебирая содержимое, девочка неловко уложила наперсток. Когда она закрывала крышку, то наперсток продавил зеркало. «На другой день после моего преступления мне вручили

В назидательном нарративе диктат реальности полностью отвергнут: все предметы, словно по мановению волшебной палочки, легко вынимаются и также легко укладываются. Не привязано к материальной действительности и само обладание чудесным сундучком: благовоспитанные девочки всегда получают такой ящик, битком набитый не только швейными предметами, но и дорогими образцами тканей и кружев. В действительной жизни девочки довольствовались разрозненными предметами для шитья и обрезками лент, тканей и кружев, но и они ценились как настоящие сокровища. Одна из мемуаристок вспоминала, что при посещении дома бабушки (высокопоставленной дамы) они с сестрой старались получить от дворовых портних лоскутки разных тканей.

Пока няня болтает с Дуняшей и Настей, мы роемся в этих шелковых тряпочках и глядим картинку мод; затем нас щедро наделяют лоскутьями для наших кукол; наберешь эти сокровища в фартучек и удаляешься коридором восвояси, с сердцем, исполненным блаженной радости.²⁰

Разумные матери сами дают своим дочерям лоскутки. «Каролинушка получает иногда от своей маменьки лоскуточки холста, флеру, шелковой материи, кружев и проч., притом маменька учит ее, как из того кроить и шить платье, рубашечку, платочек, головно убор для куклы». Зато те девицы, которые небрежно относятся к драгоценным тряпочкам, заслуживают в назидательной литературе сурового осуждения: они разоряют своих мужей и умирают в полной нищете.

Лоскутки и обрезки тканей в назидательных нарративах обладают фантастическими свойствами. Шитьем лоскутных одеял на простонародный манер девочки не занимаются, зато могут сшить из лоскутков цельную одежду любого размера и фасона. Так из маленьких кусочков, данных для шитья кукольной одежды, добродетельная девочка умудрилась сшить полноценный наряд для крестьянского мальчика (что-то вроде теплого пальто). Пошитые из лоскутков изделия спасают дворянскую семью от нищеты и болезней. Маленькая дворянка сделала из остатков ткани воротничок на продажу, чтобы приготовить подарок именинам матери (рассказ С. Макаровой «Воротничок»). На вырученные от продажи деньги девочка купила матери цветы (напоминание о былой роскоши) и ботинки (в соответствии с реалиями нынешней жизни). Волшебное действие сшитого воротничка этим не ограничива-

тетрадку, в которой, за описанием моего поступка, следовало обстоятельное изложение всего того, что мне было сказано по поводу его во время трехчасовой проповеди. Мне объявили, что эту тетрадку я должна читать для своего назидания, про себя, каждое утро — и, таким образом, пытка моя продлилась на целую неделю» (Исповедь матери. Е. Конради. СПб., в тип. А. М. Котомина, 1876. С. 164).

²⁰ Сабанеева Е. А. Воспоминания о былом, из семейной хроники. 1710—1838. СПб, 1914. С. 72.

Рис. 3. Суровое наказание ожидает девочку, взявшую без разрешения дорогостоящий набор для шитья. (Приключения Сонички, соч. графини де Сегюр, уржд. Ростопчиной, пер. Н.Ушакова. СПб, 1864)

ется: благодаря воротничку нашлась подруга детства матери, готовая оказать материальную поддержку своей прежней благодетельнице.²¹

Иной жизненный итог ожидает девиц, предпочитающих развлекаться, вместо того, чтобы взяться за иголку. Две сестры (рассказ М. Эджеворт «Надежда и Агнеса, или леность и труд») получили в подарок по кукле и по рабочему ящичку с богатым содержимым (в нем хранились «холстина, кисея, тафта, голубая, красная сафьяновая и белые ленты, ножницы, щетки, нитки, иголки, булавки, весь прибор для ши-

²¹ На деньги от продажи воротничка (7 руб.) удалось купить также куклу для младшей сестры. Эта безумная покупка для семьи, находящейся в бедственном состоянии, имеет нравственное оправдание: старшая сестра сшила своими руками для куклы богатое приданое (пример выгодной экономии при умении шить и собирать лоскутки). (Рассказы для детей старшего возраста Софии Макаровой. СПб-М., издание М. О. Вольфа, 1875).

тья и убора»²². Трудолюбивая Агнесса сразу взялась за шитье, обращаясь к матери за необходимыми советами. Ленивая Надежда предпочла играть с куклой, сведя заботы по шитью ее гардероба к минимуму. Она обернула куклу холстиною, заколов ее булавками (это была якобы рубашка), таким же образом была сделана юбка из обрезка кисеи. Несколько дольше шилось платье из голубой тафты, которую ленивица сметала широкими небрежными стяжками. Наряд завершился белой лентой, небрежно повязанной вместо пояса. И дело с концом! Неприятности начались при первом же смотре пошитых изделий, который устроил отец — эксперт и судья в назидательных нарративах. Торопясь представить родителю результаты своих трудов, ленивая девочка уколола палец о булавку и измазала кровью тафту. Отец не без иронии спросил: «Твоя кукла ранена?» Девочке этот вопрос показался смешным («Из деревянной куклы течет кровь!»), но, когда Надежда увидела испачканное «платье», ей стало не до смеха. Неприятности продолжились с приходом малолетних братьев и сестер. Дети стали играть в куклы, выпачкав грязными руками кукольные наряды. Агнесса быстренько постирала кукольную одежду, которая стала выглядеть как новая. Надежда же в гневе ударила братца, выхватив из его рук куклу в испорченном наряде. Попытки выстирать сколотое булавками платье полностью погубили наряд, так что в итоге кукла оказалась без одежды. Подобное обнажение — несмыслимый позор для девочки. История завершается суровым приговором: «Когда Надежда выросла, в доме у нее царил вечный беспорядок, а слуги во всем подражали своей нерадивой хозяйке».

Рукодельные умения играют в жизни девочки судьбоносную роль. И этим книжные истории близки фольклорным: рукодельницы в сказках всегда награждены по заслугам, а ленивицы наказаны. При этом рукодельницы демонстрируют не только швейное мастерство, но и владение этикетными нормами. К таким нормам, помимо вежливости и почтительности, относится владение родным языком (деталь, которую вводили русские издатели в переводные книги). В роли сказочного Морозко выступают отцы и дядюшки: в их руках сказочные богатства, которыми они награждают хозяйственных девиц. Дядюшка Старрусин осуждает модное воспитание своей племянницы (общий мотив в сатирических и детских изданиях). Девица с некоторой бравадой описывает свой день: «Я встаю в одиннадцать часов; часа два пройдет в том, чтобы одеться и позавтракать, тут начнут приезжать учителя: рисованью, танцам, в четыре часа садимся за стол, в шесть часов приезжает учитель

²² Эджворт М. Дети с их характерами. Повести, могущие возбудить в юных читателях желание добродетелей и открыть в сердцах их сокрытые недостатки. В 2 ч. М., у книгопродавца Василия Логинова, 1827. Ч. 2. С. 21.

на арфе, к восьми часам надо одеться или ехать на вечер, или к нам кто приедет, вот и весь день»²³. Братец пытается возразить («А разве знатной девушке не должно иметь полезных знаний о хозяйстве?»), но получает от сестры решительный отпор: «Знатному человеку нужно не знание в рукоделии, а деньги». Мудрый дядюшка подводит их спору итог: «Тетушка дала тебе очень дурное воспитание. Чему она тебя научила? Лепетать по-французски, брэнчать на арфе, петь арийки да песенки, рисовать картинки, и то с помощью учителя, танцевать; а о полезных науках и об необходимых женских рукоделиях она и не помышляла». Приговор мудрого старца суров: имение он завещает братцу, воспитанному на русский манер, а не его легкомысленной сестрице-«француженке».

Представление о легкомыслии французского воспитания плохо согласовалось с тем фактом, что самыми строгими моралистами в области женского воспитания были именно французы. Вслед за ними детские авторы стали связывать порядок с порядочностью, а неряшливую девушку называть распутной. «Порядок — одна из первых добродетелей женщины, а никогда не будешь порядочной, если не приучишься к этому с детства»²⁴. Описания способов приучения девочки к порядку (и порядочности) превращались в «воспитательные комедии». Такие комедии разыгрывались не только на страницах назидательных историй, но и в воспитательной практике. Одна из воспитательниц так планирует организовать процесс перевоспитания в своем пансионе для девиц: «надо устроить так, чтоб ей попало на глаза — мягкое кресло, в которое она незамедлительно бросится, и какая-нибудь интересная книга, которой она захочет развлечься». В это время появляется горничная со словами «сударыня, принесли белье, не угодно ли принять?». «Вскочить, отбросить интересное чтение и идти по приглашению должно быть делом одного мгновения для ученицы».²⁵ И так «вскочить-отбросить» нужно было в течение целого дня.

Описание идеального детского дня в назидательных нарративах подчинено гендерной схеме: пока мальчик с учителем занимается в классной комнате историей и математикой, девочка с матерью занимается шитьем в детской.²⁶ Никаких отступлений от подобного распределения

²³ Друг детей. . . 1809. № 1. С. 361.

²⁴ Беляева А. Маша и Коля. . . С. 38.

²⁵ Статья «Институт для моих девочек» Александры Х-вой (Воспитание, журнал для родителей и наставников, издаваемый Александром Чумиковым. М., 1861. № 1. С. 19).

²⁶ Руссоистки настроенные авторы занимали мальчиков сельскими работами на лоне природы, откуда девочки шьют в комнатах. «Дабы отдохнуть от своего учения, взяла она полотно и вышивала на оном цветы, над чем трудилась она целый час, пока мать ее не позволила ей идти погулять в сад. Карл, брат ее, забавлялся там, обрабатывал

ролей назидательные истории не допускают.²⁷ Строгому отбору подчинен и тип рукодельных изделий, исключая модные и нарядные вещи. Упоминание о роскоши и моде сопровождается только отрицательными коннотациями. Так модно вышитая грудная косынка приводит девицу к разврату и нищете (упоминание о груди играет здесь не последнюю роль).²⁸ Главным изделием, над которым трудится девочка в назидательном нарративе, являются чулки. Так как «вязание есть важнейшее женское рукоделие, к которому девушки заблаговременно должны приучаться, то Каролинушка выучилась у маменьки своей вязать чулки»²⁹. Добрая дочь научилась вязать самые тонкие чулки для любезного папеньки к его именинам («Как обрадуется добрый отец, получа сей подарок, который будет доказательством прилежания любезной его дочери»). Через полвека тем же занимается шестилетняя русская дворянка. Маша «знала довольно рукоделий, потому что она готовилась стать женщиной, а женщине рукоделие едва ли не полезнее книг. Она очень хорошо вязала чулок, даже могла вывести пята, шила порядочно и начинала уже кое-что вышивать»³⁰. И опять в дело пошел чудесный ящик, в котором были ножички, наперсток, игольница с иглами разной величины, подушечка, три клубка ниток и футлярчик с вязальными спицами. Все эти приспособления призваны облегчить судьбу малютки, которой предстоит изготавливать чулки (даже в дамских журналах вязание чулок называлось сложной работой).

Приходится поражаться не только терпению шестилетней девочки, но и ее умению хорошо считать: в самом начале работы ей пришлось отсчитать 136 петель и связать 5 рядов гладко, затем 1 ряд ажурный и вновь 5 рядов гладко. Затем нужно было связать двойную кайму из 7 рядов. К 39 рядам, связанным 2 петли наизнанку и 2 петли направо, надо было прибавить 7 основных рядов, получив всего 46 рядов (и это лишь треть накинутых Машей петель!).³¹ Неудивительно, что в мему-

частицу земли, которую ему дали: она предложила ему свои услуги, и имела при том счастье подать ему хорошие советы» (Беркенъ А. Лидия де Жерсин, или история осьмилетней англичанки. . . С. 122).

²⁷ Рукоделию учили не только девочек, но и мальчиков, но в детской литературе XIX в. упоминания об этом гендерно табуированы. Очень редки они и в мемуарной литературе. «Бабушка учила одинаково сыновей и дочерей наукам и рукоделиям, чем отец был впоследствии особенно доволен; он часто говаривал, что никогда не быть ему таким искусным хирургом, если бы пальцы его не были приучены к мелкой женской работе». Владимир Иванович Даль (по воспоминаниям его дочери). Оттиск из журнала «Русский вестник» за 1879 г. С. 81.

²⁸ Описание модных нарядов было допустимо только в историях про кукол.

²⁹ Каролинушка, или добрая дочь. . . С. 7.

³⁰ Беляева А. Маша и Коля. . . С. 26.

³¹ Чтобы девочка могла справиться со счетом, мать предлагает ей во время вязания освоить арифметику (брата этому обучает учитель).

арных текстах, написанных женщинами, время от времени прорывалась восклицание о «ненавистном вязании чулок», отравившим им все детство.

Обязательное вязание чулок в назидательных нарративах нельзя объяснить только житейскими потребностями. Важнее было другое: чулки — это деталь интимной одежды, богатой эротическими коннотациями. В литературе для легкого чтения упоминания о чулках используются для описания женского кокетства: чулки (снятые, спущенные, приспущенные или плотно обтягивающие ногу) возбуждают как мужчин, так и самих девиц, любующихся своими ножками (или капризно не желающих это делать)³². Описания того, как тяжело и нудно вязать чулки (особенно ажурные), должно подавить девичье желание пококетничать ножкой в таком чулочке.

Но вязать чулки не только трудно, но и больно. Любая рукодельная работа связана с опасными для маленькой девочки колющими предметами (иглами, ножницами, спицами, крючками). Однако моралисты словно не замечают этой опасности (при том, что в детской книге дети легко умирают от всяких пустяков, вроде съеденного без спроса яблока или выпитой второпях воды).³³ Малютка Катенька («Вот как девочки учатся шить»³⁴) уколола палец и плачет («за шитьем всегда так устаю! И притом беспрестанно колю себе пальцы»). Мать равнодушно взирает на окровавленные пальчики дочери. Пролитая за шитьем кровь — это неизбежная часть «женской инициации», от которой не защитит наперсток (поэтому так малозначим этот предмет в назидательных историях). Больше всего страданий приносит девочкам швейная игла. Описания игл в детских сборниках имеет телесно-женские коннотации.

³² «Чулки играют во все времена очень видную роль среди технических костюмных средств, которыми женщина пользуется для эротического воздействия на мужчину» (Фукс Э. Иллюстрированная история нравов. Буржуазный век. М., 1994. С. 197). Литература всячески обыгрывала мотив снятых или приспущенных чулок. «Она села на кресла подле кровати и начала складывать чулки...Юля была так сердита, что даже не полюбовалась своими голыми ножками, на которые, право, можно было полюбоваться. Они были белы как снег и с такой же легкостью как снег прикасались к земле» (Девичьи интриги, роман из частной жизни. Соч. А. М...ского. ч. 2, СПб., в тип. А. Сычева, 1839. С. 53).

³³ Об опасности колющих и режущих швейных предметов стали упоминать только в последних десятилетиях XIX в., когда швейная тема стала терять свой ритуальный ореол. Героиня рассказа «Ножницы» упала на острые концы, проткнула глаз и осталась на всю жизнь кривой. Девочка наказана за дело: нечего было лезть на окно, чтобы разглядывать прохожих (75 рассказов для детей младшего возраста, 1886). Опасность для детей представляют и швейные машинки. Героиня рассказа «Швейная машинка» В. Андреевской отнеслась легкомысленно к предостережению матери («Надо уметь обращаться с машинкой, иначе можно и машинку испортить, и пальцы повредить») и поранила пальчик (Вместо игрушки. Рассказы из детской жизни для детей младшего возраста В. П. Андреевской. СПб., изд. Ф. А. Битепажа, 1890).

³⁴ Беседа с детьми. А. А. Пчельниковой. СПб., в тип. И. Шумахера, 1858. ч. I-VII.

Хотя имею я небольшую дыру, собою гладка, тонка и чиста; но великую оною приношу пользу, а без нее была бы совсем не нужна. Не имея силы, одним искусством своим отправляю славные и превосходные дела. Мое тело покоится в чистом домике; кто не умеет со мною обходиться, тому часто отворяю кровь³⁵.

Стимулом заниматься рукоделием для измученной девочки становится благотворительная деятельность (приютские дети, для которых берется шить малютка, уподобляются куклам). Для благотворительного шитья в рукодельные ящички прикладывались куски грубого холста. Иногда добрая мать специально вкладывает их в рабочий ящик малютки. «Я желаю, чтобы вы час в день употребляли на шитье бедным», и это желание матери воспринимается девочками как закон³⁶. Сами матери готовы помочь дочерям в благотворительном шитье: «все полезное для других — дело не маловажное и не пустое»³⁷. Юная аристократка Лидия берется сшить для бедных передник из самого толстого полотна. Ее высокородная подружка в ужасе: «Я удивляюсь, как матушка твоя допустила тебя, чтобы ты употребляла свои прекрасные пальчики для шитья такого толстого полотна. Сия работа приличествует более твоей служанке»³⁸. Разумная мать пресекает подобные разговоры: «Я надеюсь, что во всю твою жизнь будешь ты почитать за величайшее удовольствие делать благодеяние»³⁹.

Другой вид благотворительности — сшить для себя платье самой, а сэкономленные на портнихе деньги отдать бедным. В таком самодельном платье юная благотворительница явилась на бал. «На блестящем вечере все приятельницы Оленьки восхищались ее платьем. „Кто шил тебе? — спрашивали они. „Я сама, — отвечала девочка с самодовольствием, а в глубине души, с смирением она думала: „Благодарю тебя, Господи, что наставил меня; теперь бедные люди спать спокойно в теплой постели. Они этим мне обязаны! — О, как мысль о добром деле

³⁵ Детский гостинец, или четыреста девяносто девять загадок с ответами в стихах и прозе, взятых как у древней, так и новейшей истории и из всех царств природы и собранных одним другом детей для их употребления и приятного препровождения времени. М., в тип. А. Решетникова, 1794. С. 16.

³⁶ Мери и Флора, повесть для детей. Пер. с англ. А.Ишимовой. СПб., в тип. Имп. АН, 1846.

³⁷ Новый способ наставления малолетних детей, сочинение г.Жанлис. Пер. с фран. В 2 ч. Орел, в губерн. Типографии, 1816. ч. I «Разговоры Матери своей с Дочерью шести лет».

³⁸ Беркень А. Лидия де Жерсин... С. 30.

³⁹ Там же. С. 32.

радует сердце! Мне кажется, что я никогда не танцевала с таким удовольствием » (рассказ «Бальное платье»⁴⁰).

Как же малолетняя Оленька смогла сшить себе бальное платье? И каким образом она умудрилась спасти этим платьем целую семью? Об этом в назидательном рассказе нет ни слова. Швейное чудо, как и чудо благотворительности, не нуждается в доказательствах. Иное дело — истории, написанные вне назидательной традиции: там находится место реальным проблемам обучения девочки шитью. Среди немногих историй такого рода рассказ Л. Толстого «Как тетушка рассказывала о том, как она выучилась шить».

Когда мне было шесть лет, я просила мать дать мне шить. Она сказала: «Ты еще мала, ты только пальцы наколешь»; а я все приставала. Мать достала из сундука красный лоскут и дала мне; потом вдела в иголку красную нитку и показала мне, как держать. Я стала шить, но не могла делать ровных стежков; один стежок выходил большой, а другой попадал на самый край и прорывался насквозь. Потом я уколола палец и хотела не заплакать, да мать спросила меня: «Что ты?» — я не удержалась и заплакала. Тогда мать велела мне идти играть⁴¹.

Матери из назидательных историй не обращают внимания на возраст и реальные возможности ребенка. Они убеждены: чем раньше девочка возьмется за шитье, тем быстрее избавится от своих пороков (изначальная греховность женщины дает о себе знать с малолетства). Категория возраста в назидательных нарративах — условная, поэтому нет смысла определять, на какой возраст рассчитаны назидательные издания («от малюток до невест» — критерий социальный, а не возрастной). В «указаниях к воспитанию» есть бо́льшая возрастная конкретность. Так, строгая к девицам француженка Кампан рекомендовала начинать рукоделие не раньше, чем с шести лет, ограничиваясь при этом простыми швами и канвой.⁴² Иначе рассуждают матери в назидательных нарративах. Госпожа Реан (образец идеальной матери) убеждена, что

⁴⁰ Башуцкий А. Магазин детского чтения для развития понятий и образования сердца и нрава. Науки, искусства, путешествия, рассказы, рукоделия и забавы для детей в 5 частях. СПб., 1841. Ч. 4. С. 240.

⁴¹ Толстой Л. Собр соч в 20 т. т. 10. М., 1982. С. 16.

⁴² «По мнению моему, с шести лет надобно начать учить девочку работать иглою; ежедневно, но не более двух часов с роздыхами, может она заниматься сидя возле матери; следует очень остерегаться, чтобы не поселить в ней отвращение к беспрестанному и превосходнейшему занятию женщин» (Карманная книжка молодой матери, или руководство к физическому и нравственному воспитанию детей. Соч. госпожи Кампан. Пер. с фран. А...Г... М., в тип. С. Селивановского. 1829. С. 291). «Рубить, стачивать, вышивать по очень толстой канве или холстине должно быть первой ее работой», после которой следуют шитье белья и кройка платьев. Педагогические рекомендации г-жи Кампан, воспитательницы при дочерях Людовика XV, со временем стали казаться слишком строгими. В статье «Некоторые правила для домашнего воспитания девочек из сочинения г-жи Кампан» (Воспитание, журнал для родителей и наставников, изда-

ее дочери, которой «скоро минет четыре года», самое время братья за шитье. Нянюшка (ее принято было изображать как недалекую женщину) пытается возразить: «Но что может учиться работать, сударыня, такой маленький ребенок?». И тогда великосветская дама сама берется показать дочери, как следует стегать и держать иголку. «Сначала дело не клеилось но, по прошествиии некоторого времени, шитье было лучше, и Соня нашла, что это чрезвычайно занимательная работа»⁴³. О занимательности изготовления чулок говорилось также в книгах для обучения детей грамоте. В азбуке Анны Дараган (с посвящением «августейшим детям Его Императорского величества Государыни Великой княгини цесаревны») предлагался следующий рассказ: «Маменька подарила своей старшей дочери куклу. Она вяжет своей кукле чулки. Добрая девочка бережет свою куклу»⁴⁴. «Чулочная тема» из азбуки 1846 г. перекочевала во все последующие переиздания вплоть до 1904 г.

В текстах для обучения грамоте бытовые практики приравнивались к неизменности алфавита. Между тем отношение к проблеме детского рукоделия в русском обществе не оставалось неизменным. С 1860-х гг. детское рукоделие оказалось в центре обсуждения «женского вопроса». В критических статьях высказывались протесты против «швейных» занятий, «искривляющих спинной хребет и развивающих у девочек чахотку и др. болезни, кроме нравственных недугов, связанных с механической работою, не требующей напряжения физических сил».⁴⁵ И все эти страдания приходилось терпеть на фоне экономической бесполезности рукодельных работ: в условиях промышленного производства одежды чулки, связанные домашним образом (с учетом временных и материальных затрат), оказывались не дешевле купленных.⁴⁶

ваемый Александр Чумиковым. М., 1862. №1) девочкам предлагалось заниматься рукоделием только с 7 лет и всего по одному часу.

⁴³ Приключения Сонички. . . С. 58.

⁴⁴ Елка. Подарок на Рождество. Азбука с примерами постепенного чтения, составл. Анной Дараган. СПб., в тип. Вт.отд. Его Имп.величества канцелярии. 1846.

⁴⁵Толль Ф. Наша детская литература. Опыт библиографии современной отечественной литературы. СПб., в тип. Э. Веймара, 1862. С. 297.

Это не мешало Ф. Толлю утверждать те самые принципы разделения труда, которые обрекали девочек на утомительное рукоделие. «Физиология женщины более располагает к домашней жизни и лишает ее возможности принять на себя многие из общественных обязанностей, которые требуют продолжительного пребывания вне дома» (См. с. 321 указ. соч.).

⁴⁶ В статьях М.Вернадской (одной из первых деятельниц женского движения) ставился вопрос о необходимости разделения женского труда, при котором вовсе не каждая женщина должна быть (и может быть) рукодельницей и мастерицей на все руки «Рукоделья также составляют необходимое знание для женщины, но действительно так ли оно нужно теперь, как, может быть, было лет сто тому назад? Если хорошо высчитать, что стоит материал, не только употребленны, но и потерянный, что часто бывает при

Но что значит экономичекый прогресс перед вечной неизменностью женских добродетелей — так рассуждали издатели нравоучительных историй на «чулочную» тему. Мамаша запретила своим дочерям бегать по садовым дорожкам, пока они не свяжут по десяти петельным дорожкам в чулке (рассказ Н. Макаровой «Чулок»). Ленивая девочка возмущена бессмысленностью скучного занятия: «Ах, как мне надоел этот чулок! И к чему вязать чулки, когда так дешево готовят их теперь на машине»⁴⁷. Разумная сестра считает, что и в эпоху машин женщине нужно приучаться к терпению. Малолетняя сестра-прогрессистка взрывается от негодования: «Какое уж терпенье! От этого вязанья сделаешься еще нетерпеливее». Раздражение девочки только замедлило работу и отодвинуло время свободной игры в саду.

Девицы, восстающие против ненавистного шитья, становятся героинями в детской литературе только в начале XX в. Правда, приходят они не из детских книг, а из взрослых. В роли оппозиционерки предстала кавалерист-девица Надежда Дурова. И хотя мемуары Дуровой появились еще в 1830-е годах, ее личность была открыта в детской литературе только в эпоху эмансипации: детские писатели встали на защиту героини 1812 г., которую так жестоко обижала мать в детстве.

Бедная девочка была принуждена день деньской сидеть в комнате и прясть кружева; она сама настоятельно учила ее шитью, вязанью и, видя, что девочка не имеет ни охоты, ни склонности к тем упражнениям, что все в ее руках рвтся и ломается, она сердилась, выходила из себя и била очень больно дочурку по рукам.⁴⁸

Ни о каких «симпатиях» и «склонностях» ребенка во времена детства Дуровой не могло быть и речи (так что поведение матери было вполне нормативным, в отличие от поведения дочери). Зато в эпоху повестей Л. Чарской с их пафосом «женской оппозиционности» (в рамках девичьих ожиданий) стало возможным описывать рукоделие с негативными коннотациями: «перед ней безобразный валеk, на котором вьется между двумя рядами коклюшек бесконечная полоса кружев, неровная, грязная, затасканная детскими ручонками»⁴⁹. Сколько личной неприяз-

домашней работе, и во что-нибудь оценить труд и время, то готовые чулки, наверное, обойдутся дешевле домашних, а между тем знание вязать чулки стоит много и времени и слез для многих девочек» (Собрание сочинений покойной Марии Ник. Вернадской, уржд. Шигаевой. СПб., 1862. С. 220).

⁴⁷ 75 рассказов для детей младшего возраста. Составлено по Ф.Гофману С. Макаровой. Изд. вт., СПб, Ф. Битепажа, 1886. С. 84.

⁴⁸ Кавалерист девица Александров-Дурова. Составил В. Байдаков. СПб., изд. журнала «Досуг и дело». СПб., 1887. С. 8—9.

⁴⁹ Смелая жизнь, подвиги загадочного героя. Историческая повесть Л. А. Чарской. изд. М. О. Вольфа, 1908. С. 29.

Рис. 4. На портрете Н.Дурова изображена в общепринятом для юной дворянки наряде. Но крепко сжатые руки выражают протест кавалерист-девицы против женских рукодельных работ и женской судьбы. (Записки Александра (Дуровой). Добавление к девице-кавалерист. М., в тип Н.Степанова, 1839)

ни вложила Л.Чарская в описание грязной полоски кружев, которая, подобно цепи, приковывает девочку к рукоделию.⁵⁰

Казалось, что в начале XX в. произойдет окончательное разрушение рукодельной темы. Между тем этого не произошло. Только теперь истории про детское шитье перешли в полупрофессиональную область. В беллетристике рассказывалось об обучении девочек в пошивочных мастерских, а в журналах печатались материалы для будущих портних. И везде речь шла о коллективной работе вне дома и материнских уроков (преподавание рукоделия к этому времени стало обязательным в начальном обучении девочек).

⁵⁰ Л. Чарская воспользовалась в своей повести следующим отрывком: «От утра до вечера сидела я за работою, которой надобно признаться, ничего в свете не могло быть гаже, потому что я не могла, не умела и не хотела уметь делать ее, как другие, но рвала, портила, путала, и передо мной стоял холстинный шар, на котором тянулась полоскою отвратительная путаница — мое кружево <...>» (Дурова Н. Записки кавалерист-девицы. М., 2005, С. 10).

По мере того, как домашнее рукоделие уходило в прошлое, все больше поэтизировался образ девочки, владеющей таинственным мастерством шитья. В повести А. Толстого «Детство Никиты» (1921), среди картин «потерянного» усадебного детства есть описание девочки, сидящей в кресле за шитьем кукольной одежды. В глазах очарованного мальчика занятие его хорошенькой подруги похоже на священнодействие, перед которым он испытывает сердечный трепет. Этого трепета не было в назидательных историях, зато там было нечто более определенное — счастливый брак, которым обязательно вознаграждалась за свои труды (пусть в перспективе) юная рукодельница.

М. А. Литовская

Успешная литература для «новых» читателей: «Два капитана» В. Каверина¹

Как значительная часть хороших советских книг для детей, написанных на рубеже 1930—1940-х годов, «Два капитана» — роман, годный к тому, чтобы читаться запоем «для себя» и превратиться в материал для сочинения о положительном герое советской эпохи. Он интересен читателю, входит в рекомендованные списки для чтения советских и постсоветских школьников, легко трансформируется и в художественный (1956) фильм, и в телевизионный (1986) сериал, и в мюзикл («Норд-Ост», 2001), выдерживает модернизации, переживает смену общественного строя.

Такая «выносливость» текста не может не удивлять: не так уж много книг советской эпохи находятся до сих пор в активе. В этом смысле «Два капитана» разделяют судьбу «Республики ШКИД», «Белеет парус одинокий», «Кондуита и Швамбрании», «Тимура и его команды», других текстов для подростков, написанных с точным пониманием того, каким должно быть занимательное чтение. Во всех этих книгах были соблюдены советские правила игры, главное из которых — признание общей положительной интенции, заключенной в советском строе: советская власть предоставляет хорошему человеку для развития все возможности по-настоящему справедливого общества. Но учет этого правила не отменяет старых, вынесенных писателями из их прежних общеобразовательной и литературной школ.

В. Каверин до начала эпохи социалистического реализма, как многие его сверстники, тяготел к «формализму». В прошлом участник объединения «Серапионовы братья», он был одним из наиболее рьяных сторонников Л. Лунца, провозглашавшего огромное значение для романа занимательности. Книга должна быть такой, «чтоб интересно было читать, чтоб оторваться нельзя было от интриги. Это первое требование и труднейшее»²; роман требует «фабулы», «а большая фабула... требует героев, страстей и катастроф»³. Каверин искренне пытался писать

¹ Первоначальный вариант статьи под названием «Две книги „Двух капитанов“» был опубликован в журнале «Известия Уральского университета», 2003. № 28. Серия «Гуманитарные науки». Вып. 6. С. 211–220.

² Серапионовы братья. Антология: Манифесты, декларации, статьи, избранная проза, воспоминания / Сост., вступ.ст., примеч. Т. Ф. Прокопова. М., 1998. С. 47–48.

³ Там же. С. 48–49.

интересно, экспериментируя с фабулой, композицией, языком, но вышло искусственно и подражательно, поэтому в глазах современников, отдававших дань его таланту, он оставался «поклонником Гофмана» (М. Горький), который «взял себе манеру русского Петрушки, воспитавшегося в марионеточном ящике Гофмана» (М. Шагинян), впитавшего «многое от немецкой романтической прозы Гофмана и Брентано» (Ю. Тынянов). Е. Замятин еще в 1923 г. предполагал, что, как и многие современники, тяготея к западной «фантастике философской, социальной, мистической», В. Каверин сможет добиться успеха только в том случае, если ему удастся «в динамику авантюрного романа вложить тот или иной философский синтез»⁴.

Настоящий успех пришел к В. Каверину с романом «Два капитана», фабулу которого составляет обычная для приключенческих «бойскаутских» романов история становления молодого человека в столкновении с превратностями судьбы. Героя с детства преследуют роковые утраты. После тяжелой болезни Саня теряет дар речи. Потом — нож, из-за которого его отца ложно обвинят в убийстве, и он умрет в тюрьме, а мать с горя сойдет с ума и тоже умрет, оставив детей сиротами. Мальчиком он потеряет тещку-сестру и найдет ее, чтобы утратить уже навсегда. Пересказанное им Марии Васильевне письмо капитана Татарина станет причиной ее самоубийства. Григорьев окажется жертвой клеветы, потеряет честное имя, от него отвернется возлюбленная, ему будут чинить всяческие препятствия, чтобы отнять у него возможность получить желанную профессию, найти пропавшую экспедицию, создать семью.

Всем этим невзгодам герой может противопоставить одно: упорство в возвращении утраченного. Для этого необходимо то научиться говорить, то добраться до Москвы или — позже — стать летчиком, доказать вину Николая Антоновича, найти пропавшую экспедицию капитана Татарина. Решая все новые задачи, следуя универсальному, но сложному для исполнения завету «бороться и искать, найти и не сдаваться», Саня учится ставить реальные цели, а не ловить несуществующего голубого рака. В итоге герой возвращает себе речь, семью, любимую, честное имя, детскую мечту. Потенциальный изгой превращается в победителя. Эффектная формула стала эффективной основой жизненного успеха. Воля к возвращению отобранного помогает герою получить волю — свободу от драматически predetermined судьбы.

Этой свободы можно достичь, только решив, казалось бы, невыполнимые задачи, главной из которых для героя каверинского романа оказывается предоставление возможности говорить мертвым. Защита доброго имени ушедших из жизни — вот ради чего маленький Саня

⁴ Там же. С. 606.

учится говорить, повзрослевший Александр Григорьев ищет последнюю стоянку экспедиции капитана Татарина, наконец, рассказывает свою жизнь. Когда тело капитана будет найдено и захоронено, а его бумаги обнаружены, заклятье спадет с героя, он обретет возможность спокойно трудиться, жить с любимой женщиной в любимых городах — Энке и Ленинграде. Основная часть романа завершается для героя, исполнившего дело своей молодости и готового к «новому труду, новым мечтам, счастьем или несчастьем»⁵, очищающими «радостными» слезами, знаменующими начало нового этапа в жизни героя — периода покоя и воли. Григорьев получает моральное право рассказать историю своей жизни, заодно восстановив честные имена не только капитана Татарина, но и его вдовы, а также своих отца, матери, сестры.

Эпилог посвящен описанию «одиноким могилы» капитана на скале у входа в Енисейский залив. «Неумолкающие» траурные салюты — итог жизни Татарина, который стал возможен благодаря усилиям Григорьева: признание состоялось. Герой справляется со «страшной и неизвестной жизнью» с помощью придуманной в детстве его другом клятвы «Бороться и искать, найти и не сдаваться». Эта чужая, но ставшая алгоритмом собственной жизни формула, выбита им на могиле капитана; она завершает роман. Таким образом сходятся концы с концами в фабуле: проявляется скрытый параллелизм судеб Григорьева и Татарина. Безответственные авантюристы, какими их считают недруги, оказываются героями-первооткрывателями, получившими признание, происходит их окончательное уравнивание, закрепленное в названии книги. Александр Григорьев — не только капитан по воинскому званию, не только капитан воздушного корабля, но и капитан своей собственной судьбы.

В. Каверин очевидно, вольно или невольно осуществляя важнейшие литературные установки своей юности, хотел создать читаемую книгу для подростков, то есть книгу по-настоящему популярную. Подобно большинству своих сверстников, выходцев из среднего класса, гимназистом он отдал дань увлечения приключенческой литературе. Именно приключенческий роман с молодым героем, озабоченным схваткой не более и не менее, как с роком, он и начинает создавать, следуя проверенной традиции, оттого в нем, по справедливым замечаниям как апологетов, так и хулителей романа, в изобилии присутствуют тайны и случайные совпадения, происки предприимчивых негодяев, опасности, которых удастся избежать только в результате счастливого стечения обстоятельств, неожиданные препятствия, возникающие на пути героев, а борьба деятельных и великодушных героев с их безжалостными про-

⁵ Каверин В. Два капитана. Роман в 2-х кн. М., 2002. Т. 2. С. 331.

тивниками изобилует изобретательно придуманными сюжетными ходами.

Заснеженная деревня, где без взрослых коротают зиму двое маленьких детей — Саня и его сестра — и куда приходит загадочный бродяга, добрый разбойник Иван Иванович, который учит Саню говорить. Детский приют, где обитают двое странных мальчиков — будущих вечных спутников Григорьева: никогда не спящий алчный Ромашов с желтыми волосами и страстно боящийся его Жуков, больше всего на свете любящий всякую живность. Сумрачный загадочный дом на Тверской-Ямской, где в старинных шкафах стоят книги по навигации. Сумка утонувшего почтальона с письмами, экспедиция капитана Татарина, географические открытия, формула удачи. Все это должно засесть в голове любого прочитавшего. Как и история высокой любви, образы прекрасных женщин, за которых надо долго бороться. Катя и ее мать Мария Васильевна — объекты страстного чувства и напряженной борьбы: на каждую из них приходится по благородному герою и по негодю. Первых любовь толкает на подвиги и открытия, во вторых, напротив, пробуждает низменные страсти. Обе героини таинственны, красивы, недоступны. Они вышли из мира, где значимы старые книги, картины Левитана, любовь к театру, коралловые нитки, кружевные воротники, способность к тоске и долготу, но не тягостному молчанию, где умеют создать вокруг себя атмосферу рыцарственности и честности в выражении чувств. Любовь к раз избранным женщинам героини пронесут через всю жизнь.

Подобные глубокие чувства вообще свойственны миру, описанному Кавериним, но, как и полагается по законам жанра, обстоятельства жизни всех остальных влюбленных несколько снижены. Сходит с ума и умирает после смерти мужа и второго нелепого замужества мать Сани. Не находит себе места после смерти Сани-сестры ее муж Петя Огородников, пока во время войны не встречает вдову-военврача. Раз и навсегда, после первой же встречи, влюбляются друг в друга Жуков и Кира, пара комических возлюбленных, своими ссорами и примирениями оттеняющими неизменно высокие и драматические переживания главных героев. Даже утонувший почтальон, как выясняется, бросился в воду из-за неразделенной любви, что не мешает обывателям сетовать, что сначала бы, мол, письма разнес, а уж потом. . .

Таким образом, «Два капитана» основаны на традиционных элементах фабулы авантюрно-любовного романа, когда, казалось бы, обреченный на страдания герой последовательно выигрывает схватку с немотой и клеветой, становится летчиком-орденоносцем и мужем лучшей в мире женщины.

Но успех романа связан и с тем, что В. Каверину удается достичь иллюзии правдоподобия, заставляющей подростка войти в состояние самозабвения. Ради достижения этого эффекта писатель разрушает известный «герметизм» приемов традиционного приключенческого романа, размывая предполагаемую по законам жанра безупречную дихотомичность представленного в нем мира. Поэтому романтическая героиня «служит», страдает от того, что не успела заменить платье с немодными «хвостами», любит «Цемент» Гладкова, чертит карты, обметает пыльные люстры, а романтические злодей и герой — это вчерашние беспризорники, выросшие в интернате, закончившие высшие учебные заведения, также служащие и т. д. В роман в слегка адаптированном для подростков виде было введено многое из наработанного В. Кавериним за время профессиональных занятий литературой.

В романе использован весьма распространенный способ повествования — воспоминание от первого лица летчика Александра Григорьева о своем детстве, юности и истории интереса к капитану Татаринovu, а части шестая и седьмая во второй книге рассказываются от лица Кати. Подобная форма оправдывает как «недостаточность» (например, фабульные пропуски, необъяснимые пространственно-временные перемещения), так и «избыточность» (излишне подробные с точки зрения авантюрного жанра описания, повторы) повествования. Особенности характеров героев (целеустремленность Сани, в то же время являющегося «художественной» натурой, склонной к рефлексии, добродушной насмешливости; решительность и некоторая жесткость Кати) отражаются в том, что они «видят» в окружающем мире и что становится предметом их воспоминаний.

Острая наблюдательность и яркость видения продемонстрированы уже на первых страницах романа. «Полая вода» «принесла и осторожно положила на берег» утонувшего почтальона, на форменной тужурке которого блестели пуговицы, «должно быть, отправляясь в свой последний рейс, почтальон начистил их мелом»⁶; отец иногда «пах каким-то протухшим машинным маслом, . . . от этого запаха . . . становилось скучно»⁷; разноцветные раки, из которых желтые «шли на лягушек, на костер», а голубые — «только на гнилое мясо»⁸; медленно зевающий перед смертью сторож — все это излишества с точки зрения авантюрного жанра. Повествователь, вспоминая, может видеть мир в виде остранинной картинки, внутри которой находится он сам как автобиографический герой: «Красивая черная женщина с распущенными волосами, спящая

⁶ Каверин В. Два капитана. . . Т. 1. С. 5.

⁷ Там же. С. 7.

⁸ Там же.

на полу на двух мешках, набитых соломой, — это моя мать. Маленькие детские ноги, торчащие из-под лоскутного одеяла, — это ноги моей сестры. Худенький черный мальчик в больших штанах, который, дрожа, слезает с постели и крадучись выходит во двор — это я»⁹. Подобная форма повествования позволяет задавать временную дистанцию словами, вроде «помню», «если бы я знал», «как будто вижу перед собой эту картину», «через много лет я узнал» и т. д., а также «наплывами» фрагментарных эпизодов-воспоминаний передавать субъективность видения мира.

Таким образом, уже первая глава романа включает в себя многие распространенные приемы «высокой» литературы, приспособленные для популярного чтения. Одним из критериев, по которым искусство массовое отличается от искусства элитарного, оказывается, как известно, разное соотношение известного/неизвестного. Умение найти свои слова для общеизвестного и ожидаемого, тривиализировать уникальное, то есть создавать текст одновременно для читателей различных уровней подготовленности, являлось показателем писательского класса еще на рубеже 1910-х годов, когда складывалась писательская манера В. Каверина, и было принято в создаваемой советской детской литературе. Так, например, в чуть ранее написанной повести В. Катаева «Белеет парус одинокий» детали описания заведомо замедляют развитие фабулы, но они же и создают атмосферу психологического правдоподобия. Нечто подобное происходит и у Каверина. Античные «гипсы» в приемной Наробраза; «занятая голодом и войной» Москва начала 1920-х годов; «просторный голландский шаг», которым катаются на катке; список денежных расходов Нины Капитоновны, в котором перемешаны «поминание», синька и свекла; школьный повар Петр Андреевич, готовый по любому случаю цитировать старые поваренные книги, — без этого вполне можно было обойтись, но именно подобные детали не просто оживляют повествование, но придают обаяние главному герою-рассказчику — умному, наделенному чувством юмора и воображением человека.

Необычными для авантюрного романа оказываются скрепляющие его мотивы: памяти, простора, писем, немоты. Роман начинается со слова «помню», и в дальнейшем тема памяти сводит воедино повествование, объединяя всех героев романа. В доме капитана Татаринова все помнят о капитане. Саня, уехав из Энска в Москву, помнит об Энске, а там, в свою очередь, помнят о нем. Памятью наделены все герои — хорошие и плохие, даже дегенеративный Гаер Кулий, судя по всему, испытывает какие-то неприятные ощущения при напоминании о «попиндикулярных» палочках. Мир связан памятью людей друг о друге.

⁹ Там же.

Неотъемлемой составляющей внутреннего мира романа оказываются замечания: «Прошло много лет, но я помню...», «вот какой она запомнилась мне...», «я знаю, что навсегда запомню эту минуту», «я тогда на нее не смотрел, потом припомнил» и т. д., соединяющие вчера и сегодня, объясняющие свободное скольжение героев в прошлом и неотменяемость прошлого никакими ухищрениями, подтасовками и демагогией.

Воспоминания задают временную дистанцию, придают миру повести тот «простор», который постепенно превращается в самостоятельную тему. С одной стороны, пространственный мир романа замкнут. В нем немного героев, они общаются друг с другом с начала до конца романа, создают семьи внутри своего круга, дружат и враждуют, не теряя друг друга из вида. Прочие персонажи, которые, естественно, встречаются им на пути, остаются малозначительными участниками одного-двух эпизодов. В такой тесноте «простор» — несомненно позитивное понятие, словом «просторно» и Саня, и Катя «независимо» друг от друга называют спокойное и просветленное состояние духа. «Простор» — это небо, морские путешествия, геологические партии, Северный полюс, книги. Герои, жаждущие расширения горизонтов, «простора», — положительные, тогда как отрицательные, напротив, все время эти горизонты сужают: Николаю Антоновичу и Ромашову не хочется никуда из Москвы, их вполне устраивает жизнь в московских переулках среди неизменных интерьеров-декораций. В реальности романа отрицательные герои оказываются в итоге одинокими заложниками собственной бесчестности, тогда как положительные, даже если они не становятся полярными летчиками или геологами, живут «просторно», занимаясь творчеством, наукой или просто принимая близко к сердцу интересы своих близких.

Вещественным выражением памяти и одновременно простора оказываются письма. Они занимают в мире романа чрезвычайно важное место. Потребность в излиянии своих мыслей на бумаге свойственна всем героям романа: они поддерживают связи с помощью писем, повеяют письмам сомнения и печали. Обнаруженные чужие письма меняют жизнь. Письма соединяют в себе идею письменной культуры, фиксирующей и передающей состояния души, и образ иного мира, другой жизни, существующей где-то параллельно твоей и наполненной своими событиями, страданиями, мыслями. Утонувший почтальон, в чьей сумке было так и не дошедшее до адресата письмо капитана Татарина, задает тему писем как вестей из другого мира. Информация, которую несут письма, может быть истинной или ложной, но важен сам факт обращения к невидимому собеседнику. Сюжетно-композиционно все письма могут быть в конечном итоге сведены в «Письмовник» — любимую

книгу детства Григорьева: он задает темы будущей жизни героя: «Ответ с отказом», «Письмо к нему и к ней», «Письмо благодарственное за благосклонный прием», «Письмо с требованием должной суммы», «Письмо от вдовца к девице» и т. д.

Неспособность выразить себя, выйти за пределы готовой модели, объяснить происходящее отождествляется в романе с немотой. Можно интерпретировать ее в терминах символического убийства отца, результатом которого становится обретение немым героем речи, то есть духовной самодостаточности. У героя редкая болезнь: он слышит, но не говорит. Он выслушивает убийцу сторожа, но не может дать показания в защиту отца, он слышит письма капитана и боцмана со «Святой Марии», но не может защитить себя и их от клеветы. Смерть отца, Марии Васильевны, капитана подталкивают Саню к действию, к преодолению неспособности выражать себя через слово. Он ощущает свою немоту как преодолимую болезнь, она заставляет его впервые проявить недюжинную волю, чтобы выполнить программу лечения доктора Ивана Ивановича и научиться произносить слова. Легко трактовать сцену излечения как символически-соцреалистическую: доктор-революционер вернул мальчику способность к речи. Потом учитель Кораблев научит Саню правильно понимать чужие высказывания и строить свои¹⁰.

Но, научившись произносить слова и узнав элементарные правила риторики, герой по-прежнему лишен возможности понимать мир и доносить до него волнующую его информацию. Можно решить, что официантка, у которой ты заказываешь пятую порцию мороженого, поправляет волосы перед зеркалом от радости, что ты помогаешь ей выполнять план. Можно ударить ногой в лицо мерзавца-одноклассника, но это послание миру требует слишком много комментариев. Признание «ничего я не видел и ничего не понимал» проходит через всю первую часть романа, рассказчик постоянно задним числом корректирует свое тогдашнее восприятие, восстанавливая неосознаваемые тогда связи, проговаривая не выговоренное от недопонятости. Он все время подчеркивает, что постоянная напряженная работа позволила сначала научиться говорить слова, потом, постоянно ошибаясь, переводить слова других, потом увидеть за этими словами «тайные цели»¹¹, в результате добиться, чтобы

¹⁰ Неслучайно авторы мюзикла «Норд-Ост» (2001, авторы либретто А. Ивашенко и Г. Васильев) объединили Ивана Ивановича и Кораблева в одном герое (действительно, по отношению к Григорьеву герои выполняют одну функцию — направляют его в детстве и отрочестве), во-вторых, заставили героя заговорить, не повторяя бессмысленный набор слов, но читая пушкинский «Зимний вечер».

¹¹ Каверин В. Два капитана. . . Т. 1. С. 396.

«голова работала, как на экзамене, и я все угадывал и понимал с полуслова»¹².

Только доведя до автоматизма эту способность понимать и ясно для окружающих выражать свое, герой с помощью памяти и писем сможет разрушить ложь вокруг имени капитана Татаринова, сказать и за лишенного возможности высказаться погибшего героя, таким образом, выведя его из состояния вынужденной немoty. Чувство вины — в интерпретации Каверина — порождает энергию преодоления, превращая немого и неразумного в говорящего и понимающего, испуганного жизнью мальчика в героя и писателя.

Долгое непонимание героем окружающих, в свою очередь, обусловлено в романе принципиальной «непроявленностью» чувств большинства из них. Они на редкость сдержанные люди и свои страсти (любовь, ненависть, зависть, отчаянье и т. д.) держат глубоко в себе. Герои «Двух капитанов» противоречивы, среди них нет ни одного безоговорочно положительного или отрицательного. Уже говорилось, что их связывает памятьливость как общее чувство, склонность к писанию писем, способность выразить себя, кроме того, на каждом из них лежит вина за смерть другого. Саня становится невольной причиной гибели своего отца, а Катя — матери. Мария Васильевна выходит замуж за убийцу своего мужа. Кораблев не может защитить от самоубийства любимую женщину. Николай Антонович убивает своего брата из-за любви к его жене. Ромашов оставляет умирать Григорьева, чтобы получить Катю. При этом у каждого из них, даже у «страшного» Ромашова, есть свой кодекс чести, которого они неукоснительно придерживаются.

Неоднократно декларированная в романе сложность характеров героев связана также с особенностью повествования: двойственностью видения их, с одной стороны, мальчиком, а с другой — взрослым человеком, узнавшим развязки ряда прошедших рядом с ним судеб. Эта двойственность позволяет одновременно сочувствовать страстной увлеченности Жукова составом крови змей и гибридами чернобурых лисиц и понимать, что занятия наукой есть род «сумасшествия», сопереживать неразделенной любви учителя Кораблева к Марии Васильевне, сожалеть о его слабости и восхищаться его же педагогическим талантом. Подобная психологическая и повествовательная сложность затрудняет восприятие романа как приключенческого, побуждает ко все более подробным поведенческим мотивировкам, отвлекая внимание читателя от развития действия.

Но, говоря о внутренней неоднозначности «Двух капитанов», мы все время ведем речь о первой книге. Как многие в середине 1930-х

¹² Там же. С. 398.

годов, В. Каверин «сбежал» в детскую литературу, чтобы обойти жесткие требования централизованного искусства. Как многим, ему приходилось балансировать между необходимым и избыточным. В эпоху создания «Двух капитанов» необходимое жестко предопределялось требованиями социалистического реализма, именно в эту пору активно внедрявшегося. «Два капитана», как и многие другие произведения советской литературы, четко делится на две части: первую, написанную к 1939 г., и вторую, написанную к 1944. В конце 1930-х годов требование «правдивого, исторически конкретного изображения жизни в ее революционном развитии» существовало более на уровне призыва, интенция не облеклась в форму, заранее заданная схема «основополагающей фавулы» (К. Кларк) не окостенела, каждый из писателей мог предлагать — и предлагал — свои варианты ее овеществления. Это открывало возможности для закладывания той самой избыточности, что придает тексту индивидуальное лицо и обеспечивает потенциальную множественность его прочтений.

Вторая книга романа написана в другой исторический период, и отличается от первой кардинально. Она-то и превращает «Два капитана» в добротную соцреалистическую книгу для юношества. В ней избыточность и связанная с ней амбивалентность подчиняются необходимому, то есть историко-материалистически закономерному. Причем необходимое обуславливается изменившимся временем и изменившейся литературой, которые требовали унифицировать множественность и устранить многозначность. Романтические поединки капитанов с судьбой, страстное стремление Сани обрести речь, увлеченность героев собственной жизнью — все это потребовало новых мотивировок. Каверин поступает изобретательно и просто. Он вводит новый мотив нереального: сна, мечты, миража. Прошлое — это сон, будущее — мечта, невозможное — мираж. Эти видения, закрепленные лишь в слове, четко отделяются героями от дела, реальности, настоящего, в смысле подлинного и сейчас протекающего. В настоящем же всем частным поступкам героев придается государственный смысл.

Пропавшую экспедицию, как выясняется, ищут не для того, чтобы Саня Григорьев вернул себе честное имя в глазах Кати и ее родных, но для пользы отечественной географической науки. Капитан Татаринов оказался не просто молодым горячим романтиком, жаждущим приключений и открытий, но государственным мужем, озабоченным развитием Крайнего Севера. Ромашов не просто негодяй, но растратчик общественной собственности. Николай Антонович пуще всего на свете боится разоблачения себя как бывшего биржевого дельца, то есть классово чуждого элемента. Словами можно жонглировать, дела же говорят сами за себя. Индивидуалисты становятся частью сообществ,